

Анна Манойленко

(Санкт-Петербург, Россия)

Магистр социально-экономического образования, независимый исследователь

E-mail: anetkir@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1312-8372

Юрий Манойленко

(Санкт-Петербург, Россия)

Кандидат исторических наук, независимый исследователь

E-mail: historic2009@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3063-1140

О переходе иудеев в православие в царствование Николая I (по документам Российского государственного исторического архива)

Аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты правительственной политики в сфере перехода иудеев в православие в эпоху Николая I. На основе анализа документов Святейшего Синода раскрываются сложности и противоречия этого процесса, обращается внимание на различные аспекты христианизации еврейского населения Российской империи, до настоящего времени остававшиеся вне поля зрения историков. Авторами выделяются и прослеживаются основные тенденции в сфере обращения евреев в православие, исследуются судьбы сменивших вероисповедание. Особое место отведено миссионерской деятельности крестившихся иудеев, посвятивших себя распространению православия среди бывших единоверцев, а также попыткам некоторых неофитов официально вернуться к религии предков.

Ключевые слова: евреи, вероисповедание, иудаизм, православие, Николай I, Св. Синод, кантонисты, миссионеры.

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.08

Введение

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о распространении православия среди еврейского населения Российской империи в цар-

ствование императора Николая I (1825–1855 гг.). Эта проблема затрагивалась как в трудах классиков еврейской историографии С. М. Дубнова и Ю. И. Гессена [Дубнов 1919; Гессен 1927], так и современных российских и зарубежных историков [Амчиславский 2009; Верт 2012; Ильин 2009; Конюченко 2012; Локшин 2012а; 2012б; Петровский-Штерн 2003; Станиславский 2014; Тихонов 2007; Freeze 2005; Klier 2001; Schainker 2017; Stanislawski 1987]. При этом, главным образом, делался акцент на усилении религиозного давления на иудейские общины со стороны имперских властей и подчеркивался недобровольный, вынужденный характер принятия христианства. В фокусе внимания авторов, как правило, оказывались кантонисты как наиболее пострадавшая от насильственного крещения категория еврейского населения.

В то же время ряд законодательных, социально-политических и бытовых аспектов, связанных с обращением иудеев в православие в названную эпоху, остался вне поля зрения историков. Восполнить этот пробел позволяют документы Российского государственного исторического архива, большая часть которых впервые вводится в научный оборот в рамках данного исследования.

Попытки распространения христианства среди иудейских подданных Российской империи берут начало в царствовании старшего брата и предшественника Николая I – императора Александра I. 25 марта 1817 г. был издан высочайший указ «Об учреждении Комитета для всех обращающихся в христианство евреев и о даровании им прав и выгод» [ПСЗ 1830а, № 26752]. С целью «положить твердое основание для призрения и обеспечения евреев, приемлющих христианство», данным актом провозглашалось создание особого Общества израильских христиан из иудеев, принявших одно из направлений христианской религии.

Обществу отводились казенные земли, на которых предоставлялось компактно селиться новообращенным; они получали от правительства ряд льгот, включавших свободу самоуправления, торговой и промышленной деятельности и перемещения по территории государства, а также освобождение от земских повинностей и платежа податей сроком на 20 лет. Общество израильских христиан провозглашалось состоящим под покровительством императора и должно было подчиняться специально учрежденному в Санкт-Петербурге Комитету опекунства израильских христиан во главе с министром духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыным.

Опубликовав указ о создании Общества на русском, польском и немецком языках «для всеобщего сведения и исполнения», правительство рассчитывало на широкое привлечение желающих креститься иудеев, однако практические результаты деятельности по созданию «особого состояния» из еврейских неопитов оказались более чем скромными, и к концу александровского царствования какие-либо мероприятия в этом

направлении были приостановлены. В последующую эпоху намерения выделить обратившихся в христианство иудеев в отдельную социальную группу оказались прочно забытыми.

1

Основополагающей тенденцией внутренней политики Николая I являлось стремление к построению унитарного государства, скрепленного принципами «православия, самодержавия, народности». Поскольку единство государственной религии для всех подданных признавалось одним из ключевых элементов культивируемого самодержцем имперского организма, три десятилетия николаевского царствования стали временем активного прозелитизма в отношении представителей иных конфессий, в том числе иудаизма.

Иудейское вероисповедание, в значительной мере представлявшее альтернативную христианству картину мира, отличавшееся особой сплоченностью и замкнутостью своих приверженцев, повседневная жизнь которых в сильнейшей степени зависела от религиозных постулатов, вызывало особые подозрения верховной власти. При этом общий «охранительный» курс накладывался на личные предрассудки императора, чье отношение к евреям весьма ярко характеризуется резолюцией, последовавшей в январе 1835 г. на мнение Государственного Совета об обвинении группы велижских иудеев в ритуальных убийствах:

Неоднократные примеры подобных умерщвлений с теми же признаками доказывают, по моему мнению, что между евреями существуют, вероятно, изуверы или раскольники, которые христианскую кровь считают нужной для своих обрядов [РГИА, Ф. 1151. Оп. 2. 1834 г. Д. 92. Л. 54-54 об.]¹.

Из представленного сочетания факторов логическим образом проистекало стремление правительства к обращению евреев в православие. Однако на практике процесс этот был достаточно противоречивым, сопровождаясь многочисленными сложностями и колебаниями. Первоочередным среди них являлось отношение властей к принципу добровольности принятия христианства.

В законодательных актах николаевского времени, детально регламентирующих общественно-правовой статус евреев, никак не упоминалось о желательности смены ими своего исповедания, а также о каких-либо «послаблениях» в отношении лиц, принявших православие.

¹ В действительности убийства и ритуальное использование крови в иудаизме строго запрещены.

Напротив, в «Положении о евреях» 1835 г. прямо указывалось на то, что «евреи могут отправлять общественные молитвы и богомоление в местах общей их оседлости. Никто не имеет права препятствовать им в том ни словом, ни делом» [ПСЗ 1836, № 8054].

Следует также подчеркнуть, что правительственные и частные учебные заведения (в том числе приходские училища), в которые разрешено было принимать еврейских детей в «черте постоянного жительства евреев», не должны были становиться орудием обращения их в христианство. В «Положении» официально провозглашалось, что «вступившие в училища дети евреев не принуждаются к перемене их веры и не обязаны посещать тех уроков, в коих преподается учение Христианскому Закону» [ПСЗ 1836, № 8054].

Вместе с тем, с начала 1840-х гг. вопрос об обращении иудеев в православие активно обсуждался в Министерстве внутренних дел, Св. Синоде и Еврейском комитете, а также становился предметом детального рассмотрения губернаторами территорий, входивших в черту оседлости. Итогом этого стало признание правительством идеи о желательности слияния евреев с «коренным населением Империи» путем их христианизации [РГИА, Ф. 1269. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–7 об.; Д. 134. Л. 130–139].

11 февраля 1842 г. Николай I утвердил подготовленные Комитетом министров «Правила для евреев, принимающих христианскую веру» [РГИА, Ф. 1269. Оп. 1. Д. 10. Л. 43–47 об.]. Этот документ включал в себя семь пунктов, касавшихся социально-правового положения сменивших веру иудеев. Согласно «Правилам», принявшие крещение получали единовременное пособие «на первоначальное обустройство» в размере от 15 до 30 рублей серебром. Им разрешалось свободно приписываться к купечеству, «земледельческому, ремесленному и мещанскому обществам», а также поступать в состав духовного сословия. При крещении родителей-иудеев дети в возрасте до 7 лет также подлежали крещению (в случае принятия христианства одним из родителей крещению подлежали дети того же пола). Те из перешедших в христианство лиц, кто выражал желание поселиться на казенных землях, пользовались льготами, предусмотренными для евреев, «переходящих в земледельческое состояние»².

При этом в «Правилах» изначально был заложен принцип настороженного отношения к принимающим христианство иудеям. Так, Министерству внутренних дел и Св. Синоду предписывалось негласным образом собирать сведения о «личности и качествах» желающих креститься, причем прибегать для этого исключительно к свидетельствам

² «Положение о евреях» 1835 г. предусматривало для лиц, переходящих в земледельцы, сложение всех недоимок по казенным податям и сборам, освобождение от подушной подати на 25 лет, от рекрутской повинности – на срок от 25 до 50 лет, а также от денежных земских повинностей на 10 лет. См.: [ПСЗ 1836, № 8054].

«известных лиц из общества христиан», удостоверениям местных полицмейстеров или городничих, а также благочинных над православным духовенством. Примечательно, что соответствующий пункт «Правил» не подлежал опубликованию в «Сенатских ведомостях», поскольку было признано «неудобным оглашать находящиеся в нем меры» [РГИА, Ф. 1269. Оп. 1. Д. 10. Л. 47 об.].

2

В царствование Николая I прослеживаются две основные тенденции в сфере обращения иудеев в православие.

С одной стороны, это стремление к массовому крещению заведомо зависимых и несвободных категорий еврейского населения, таких как военнослужащие и кантонисты. Самым многочисленным единовременным обращением стало крещение в мае 1845 г. 915 евреев Саратовских батальонов военных кантонистов, возглавляемых подполковником Иваном Сафроновым. По случаю этого события в г. Вольске, где квартировали батальоны, был торжественно отслужен благодарственный молебен и совершен крестный ход с участием местного населения [РГИА, Ф. 796. Оп. 126. Д. 895. Л. 2]. Поскольку в православную веру перешли все состоявшие в батальонах иудеи, за исключением трех находившихся на лечении кантонистов, подполковник Сафронов, по всеподданнейшему докладу военного министра, был произведен в следующий чин и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени [РГИА, Ф. 796. Оп. 126. Д. 895. Л. 4].

Интересна дальнейшая судьба двух крестившихся кантонистов Саратовских батальонов – Ицко Берко Лейбовича и Шмуля-Мошко Ройзельмана, призванных на военную службу из Волынской губернии. Получив при крещении новые имена Николая Кузнецкого³ и Александра Сафронова, оба подали прошения о зачислении в Казанскую духовную семинарию и продемонстрировали во время обучения «хорошие успехи» в овладении богословскими знаниями. Еще в семинарии новообращенные посвятили себя миссионерской деятельности и активно убеждали бывших единоверцев из числа кантонистов Казанских батальонов переходить в православие, за что удостоились благословения Св. Синода [РГИА, Ф. 796. Оп. 127. Д. 294. Л. 18].

В редких случаях власти стремились не только крестить еврейских кантонистов, но и обеспечить их религиозной литературой, которая в

³ В дальнейшем Николай Кузнецкий (1826–1887) принял сан священника, а затем монашеский постриг с именем Нафанаила, став в конце жизни архимандритом Густынского Свято-Троицкого монастыря Полтавской губернии. Подробнее о нем см.: [Нафанаил 1885].

доступной форме объясняла бы основы новой для них веры. Так, в январе 1844 г. епископ Тобольский Владимир, сообщая Св. Синоду об обращении в православие 48 иудеев Тобольского полубатальона военных кантонистов, указывал на желательность обеспечения их «букварями и краткими катехизисами». По мнению иерарха, это дало бы возможность «закрепить» знания неофитов о православии и позволило бы им находить ответы на возникающие вопросы религиозного характера [РГИА, Ф. 796. Оп. 125. Д. 45. Л. 1]. Получив рапорт, Синод распорядился отослать в Тобольск 50 экземпляров букварей и кратких катехизисов из собственных запасов. 13 апреля того же года епископ Владимир рапортовал, что число крещеных кантонистов составляет уже 76 человек, и все они снабжены книгами, недостающие он закупил в местной книжной лавке и гимназии [РГИА, Ф. 796. Оп. 125. Д. 45. Л. 3–7].

Примечательно, что Николай I лично следил за ситуацией с обращением кантонистов-иудеев в православие. В 1833 г., когда обер-прокурор Св. Синода С.Д. Нечаев представил священника 2-го Учебного карабинерного полка Симеона Пиунова к награждению орденом Св. Анны 3-й ст. за крещение 147 кантонистов, император распорядился заменить орден на наперсный крест, обосновав это тем, что «обращение детей не может равняться с обращением взрослых, понимающих важность таинства крещения» [РГИА, Ф. 796. Оп. 114. Д. 388. Л. 1–1 об.].

Однако уже в 1847 г., ознакомившись с отчетами военного министра А.И. Чернышева, самодержец выразил недовольство тем обстоятельством, что «мало обращается в православную веру состоящих в учебных карабинерных полках и заведениях военных кантонистов нижних чинов и кантонистов из евреев» [РГИА, Ф. 796. Оп. 128. Д. 1380. Л. 2].

Высочайшее замечание было сообщено иерархам всех епархий, а также обер-священнику армии и флота В.И. Кутневичу с предписанием «стараться сделать по сему случаю надлежащее подтверждение законоучителям означенных полков и заведений, чтобы они усердно старались об успешном обращении нижних чинов и кантонистов из евреев в православную веру, но при этом не позволяли себе таких действий, которые могли бы подать повод приносить жалобы на принуждение к принятию христианской веры» [РГИА, Ф. 796. Оп. 128. Д. 1380. Л. 3 об.]. На практике это привело к существенной активизации усилий православного духовенства по склонению кантонистов-иудеев к крещению. Так, в частности, епископ Саратовский и Царицынский Афанасий донес Св. Синоду, что в Саратовских батальонах военных кантонистов не осталось ни одного некрещеного еврея [РГИА, Ф. 796. Оп. 128. Д. 1380. Л. 7].

Другой тенденцией в обращении иудеев в христианство в рассматриваемую эпоху являлось добровольное принятие ими православия. Такие случаи являлись, скорее, исключением из правил, поскольку в иудейской традиции отступничество считается тяжким грехом. За 30-летний

период николаевского царствования сохранилось не более десятка дел Канцелярии Св. Синода подобного характера.

Особый интерес представляет дело о крещении в Бердичеве в ноябре 1831 г. 33 членов еврейской семьи Рубинштейн, среди которых был отец выдающихся музыкальных деятелей Антона и Николая Рубинштейнов Герш (в крещении Григорий) Рубинштейн [РГИА, Ф. 796. Оп. 113. Д. 35. Л. 3–4]. Дед братьев-композиторов, купец 2-й гильдии Рувин (Роман) Рубинштейн, принял православие за год до этого в Санкт-Петербурге, а затем, вернувшись в Бердичев, подал епископу Волынскому и Житомирскому Амвросию прошение о крещении членов своей семьи. Его просьба была удовлетворена, и священнику Николаевской церкви Петру Дунину-Борковскому было объявлено «пастырское благословение» на крещение разветвленной еврейской семьи. Интересно отметить, что вместе с членами семьи Рубинштейн были также крещены полтавский мещанин еврейского происхождения Григорий Зилинский и лютеранин Николай Штигель [РГИА, Ф. 796. Оп. 113. Д. 35. Л. 1 об.]. Это событие стало одним из первых случаев добровольного обращения иудеев в христианство в царствование Николая I.

Несмотря на принятый государством общий курс на христианизацию еврейского населения, некоторым иудеям, желавшим принять православие, приходилось преодолеть немалые трудности бюрократического характера. Так, в феврале 1836 г. 19-летний лепельский мещанин Янкель Осман, проживавший на тот момент в г. Зарайске Рязанской губернии, подал прошение архиепископу Евгению о крещении в православие, но получил отказ на том основании, что предоставил духовным властям копию с просроченного паспорта, «а нового не представил», в связи с чем у последних возникли вопросы, «какого он звания и рода, и не касается ли до него каких дел» [РГИА, Ф. 796. Оп. 117. Д. 540. Л. 2 об.].

Спустя четыре месяца юноша вновь обратился к рязанскому архиепископу с просьбой оказать содействие в обращении к лепельским уездным властям с целью выдачи ему новых документов, «за отсутствием которых он остается и доселе некрещеным». Однако ходатайство не было удовлетворено, поскольку «еврей Осман и теперь не представил нового паспорта» [РГИА, Ф. 796. Оп. 117. Д. 540. Л. 2 об.].

После этого Янкель Осман подал всеподданнейшее прошение о переходе в православие самому императору Николаю I. Дело было рассмотрено на заседании Св. Синода, который предписал Рязанской духовной консистории «войти в сношение» с Витебским губернским правлением для получения сведений о сословной и религиозной принадлежности просителя, а его самого «поручить искусному священнику для наставления и поучения православной вере, молитвам и христианскому благочестию» [РГИА, Ф. 796. Оп. 117. Д. 540. Л. 6 об.]. В итоге 3 февраля 1837 г. Осман был, наконец, крещен в Вознесенской церкви г. Зарайска.

В июле 1844 г. двое уроженцев г. Слуцка Минской губернии – 17-летний Лейба Абрамович и 14-летний Янкель Канторович – подали прошение директору Слуцкой гимназии К.М. Адамовичу о крещении в православие, выразив при этом желание быть направленными для совершения таинства в один из великороссийских городов. Свою просьбу они обосновывали опасением преследований со стороны родственников и других иудеев, проживающих в Слуцке, а также намерением поступить в одно из российских учебных заведений за счет казны [РГИА, Ф. 796. Оп. 128. Д. 1060. Л. 1–1 об.].

Ситуация была доложена обер-прокурору Св. Синода Н.А. Протасову и управляющему Министерством народного просвещения П.А. Ширинскому-Шихматову, которые сочли невозможным удовлетворить просьбу молодых людей вследствие законодательных ограничений права свободно передвижения евреев и финансовых сложностей учебного ведомства. Тогда юноши попросили разрешить им креститься в Минске, поскольку «отторжение их от своих семейств будет в этом случае не столь чувствительно для их родителей, и сии последние перенесут несравненно менее огорчений и неприятностей от своих единоверцев» [РГИА, Ф. 796. Оп. 128. Д. 1060. Л. 3–3 об.]. Эти доводы были признаны убедительными, и Св. Синод предписал архиепископу Минскому и Бобруйскому Антонию совершить над Абрамовичем и Канторовичем таинство крещения с последующим определением их в Минскую духовную семинарию на казенный счет [РГИА, Ф. 796. Оп. 128. Д. 1060. Л. 10–11].

Случай противоположного характера имел место осенью 1840 г., когда состоялось крещение семи сигнальщиков-иудеев, служивших на постах Варшавской телеграфной линии. Они, как сообщал дежурный генерал Главного Штаба обер-прокурору Св. Синода Н.А. Протасову, сами «изъявили желание присоединиться к православной церкви» [РГИА, Ф. 796. Оп. 121. Д. 1198. Л. 1]. Коллективные добровольные обращения среди военнослужащих евреев были столь редки, что власти решили вопрос об их переходе в православие в максимально короткие сроки. Уже спустя шесть дней Синод рассмотрел этот случай и вынес определение:

Немедленно распорядиться о просвещении Святым Крещением сигнальщиков, не входя ни в какие особенные о них разыскания [РГИА, Ф. 796. Оп. 121. Д. 1198. Л. 3].

В итоге все семеро были крещены в различных церквях Санкт-Петербургской епархии; при этом у них были взяты расписки, в которых они обязывались всю жизнь оставаться в лоне христианской церкви.

В августе 1847 г. находившиеся в Мариуполе купцы-евреи Борух Овадья, Моше Каррако и Яни Андреа, являвшиеся подданными Османской империи, обратились к епископу Екатеринославскому и Таганрогско-

му Иннокентию с прошением о переходе из иудаизма в православие, подчеркивая при этом, что на родине сталкиваются с затруднениями в исполнении этого намерения [РГИА, Ф. 796. Оп. 128. Д. 1185. Л. 1]. Епископ, однако, отказал в удовлетворении просьбы, сославшись на то, что российские законы не позволяют «присоединять» евреев-иностранцев к православию и передал окончательное решение этого вопроса на рассмотрение Св. Синода. Последний вынес определение, в котором подтверждалась правильность решения иерарха и подчеркивалось, что «иностранных евреев, кои отправляются только с одним желанием принять христианскую веру, не дозволено впускать в Россию» [РГИА, Ф. 796. Оп. 128. Д. 1185. Л. 2 об.].⁴ В связи с этим местным властям было предписано выслать купцов «на первых отходящих из Мариуполя судах».

Во второй половине 1840-х гг. предметом разбирательства Духовного ведомства стал вопрос о перемене веры несовершеннолетними детьми иудеев. Поводом к этому стал случай обращения в христианство 11-летнего сына и 13-летней дочери мещанина Минской губернии Неуха Протаса.

Летом 1845 г. подростки Михель и Сося, тайно от родителей обучившись основам православной веры и молитвам у «жены рекрута Шабловской и сестры помещика, девицы Верижанской», явились в сопровождении последних в Минскую духовную консисторию и заявили о желании принять крещение. Просьба детей была удовлетворена епархиальным начальством: оба незамедлительно были крещены в Минском кафедральном соборе, с получением христианских имен Михаила и Софии Кузьминских. На следующий день их отец в сопровождении раввина г. Минска был вызван в дом гражданского губернатора А.В. Семенова, где брат и сестра объявили о том, что «давно желали и ныне желают быть христианами, а иудейскую веру отвергли» [РГИА, Ф. 796. Оп. 126. Д. 1792. Л. 3].

Не смирившись с обращением своих детей, мещанин Протас подал жалобы министру внутренних дел Л.А. Перовскому и обер-прокурору Св. Синода Н.А. Протасову на то, что они были насильственным образом увезены из семьи и принуждены к перемене веры. Допрошенные по делу Шабловская и Верижанская не отрицали, что тайно доставили Михеля и Сосю в Минск для крещения, «дабы не воспрепятствовали еврею привести намерение в исполнение», однако подчеркивали добровольность намерений подростков [РГИА, Ф. 796. Оп. 126. Д. 1792. Л. 2 об.]. На самостоятельности выбора ими православия настаивала и Минская духовная консистория.

⁴ Данное положение было внесено в законодательство Российской империи манифестом императрицы Екатерины II от 4 декабря 1762 г. См.: [ПСЗ 1830б, № 11720]. В дальнейшем запрет «выходящим из-за границы евреям постоянно водворяться в России» был подтвержден высочайше утвержденным положением Комитета министров от 15 марта 1824 г. [ПСЗ 1830в, № 30004].

Однако Синод, рассматривавший дело, посчитал, что епархиальные власти поспешили с крещением брата и сестры Протасов, не приняв во внимание их малолетство и отсутствие согласия отца на этот шаг, и обратился в Министерство внутренних дел за разрешением вопроса о том, с какого возраста «можно было бы, судя по положению евреев, приступать к крещению детей их, независимо от воли и расположения родителей» [РГИА, Ф. 796. Оп. 126. Д. 1792. Л. 8 об.].

В августе 1846 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский сообщил Духовному ведомству свой отзыв по этому делу. По его мнению, православным священникам следовало бы разрешить крестить малолетних евреев, «не стесняясь волей родителей», поскольку законами Российской империи министру внутренних дел предоставлено право разрешать несовершеннолетним иудеям «без означения их возраста присоединяться к терпимым в государстве исповеданиям без истребования на то согласия их родителей» [РГИА, Ф. 796. Оп. 126. Д. 1792. Л. 11 об.]. Отсюда следовал вывод, что священнослужители «государственной церкви» тем более должны иметь право удовлетворять ходатайства о присоединении к ней без каких-либо формальных ограничений. Обер-прокурор Св. Синода Н. А. Протасов согласился с этим мнением и предложил в будущем поступать в подобных случаях именно таким образом. Однако иных документов подобной тематики за период николаевского царствования в делах Канцелярии Св. Синода не сохранилось⁵.

3

Некоторые перешедшие в православие иудеи стремились в дальнейшем посвятить себя обращению бывших единоверцев и становились миссионерами. Уникальный в этом отношении случай имел место в 1838 г., когда желание принять православную веру выразил раввин г. Веймара Авраам Гирш Левисон, сын раввина, имевший степень «доктора богословия Моисеева закона». Он обратился с письмом на имя министра народного просвещения С. С. Уварова, в котором утверждал, что после детального знакомства с историей и догматами христианской церкви, а также изучения текстов «Нового Завета» в нем «утвердилась

⁵ Следует отметить, что в истории с братом и сестрой Протасами прослеживаются определенные параллели с делом Эдгардо Мортары, имевшим место в 1858 г. и получившим широкий общественный резонанс в Западной Европе. Шестилетний еврейский мальчик из Болоньи, которого тайно крестила служанка, был отобран у родителей властями Папской области и воспитан католическими священниками при личном участии папы Пия IX. Став совершеннолетним, Эдгардо отказался вернуться к своей семье, вступил в орден латеранских каноников и посвятил себя миссионерской деятельности. Подробнее об этом см.: [Керцер 2018].

непоколебимая решимость открыто перейти к христианству» [РГИА, Ф. 796. Оп. 120. Д. 628. Л. 3 об.].

Выбор именно православного направления Левисон обосновывал тем, что на его родине, в Пруссии, ведется достаточно активная деятельность по распространению христианства среди евреев, в то время как в Российской империи иудеи, «погруженные в каббалистические, талмудические, мистические и фарисейские рассуждения, крайне недостаточно наставлены в христианстве» [РГИА, Ф. 796. Оп. 120. Д. 628. Л. 4]. В связи с этим, полагая себя в точности осведомленным об «образе мыслей и выражений иудеев», он утверждал, что явится наилучшей кандидатурой для распространения христианства среди российских евреев.

С.С. Уваров передал обращение Левисона в Министерство внутренних дел, откуда оно поступило на рассмотрение Св. Синода. Получив от российского поверенного в делах в Веймаре графа В.А. Санти и находившегося при дипломатической миссии протоиерея С.К. Сабинина свидетельства о нравственности и искренности намерений раввина, Духовное ведомство ходатайствовало перед канцлером К.В. Нессельроде о выдаче ему паспорта для свободного проезда в Россию.

Летом 1839 г. Левисон приехал в Санкт-Петербург, где на обер-священника армии и флота В.И. Кутневича была возложена обязанность наставлять его в догматах православия, при необходимости привлекая к этому и других духовных лиц, «доверия заслуживающих по учености и образу мыслей» [РГИА, Ф. 796. Оп. 120. Д. 628. Л. 24]⁶. Таким образом, для подготовки к обращению раввина, обладавшего богословским образованием и широкой эрудицией, церковными властями были предприняты весьма серьезные меры, в отличие от «просвещения в вере» обывателей и военнотружущих иудейского исповедания, которое носило достаточно общий и схематичный характер.

21 октября 1839 г. в Спасо-Преображенском соборе Санкт-Петербурга Левисон был крещен в православие, получив имя и отчество Василия Андреевича. Менее чем через месяц после этого он был направлен в белорусские губернии для обращения еврейского населения⁷. Однако миссионерская деятельность бывшего раввина оказалась недолгой, и уже в

⁶ Впоследствии В.И. Кутневич сообщал обер-прокурору Св. Синода Н.А. Протасову, что провел с Левисоном несколько бесед на богословские темы, являющиеся ключевыми для понимания сущности христианства: «1. О личности Мессии, приход которого предсказывали Пророки; 2. О двойственной сущности Иисуса Христа, Божественной и человеческой; 3. О трояком служении Христа во время Его пребывания на Земле как Пророка, Царя и Первосвященника; 4. О таинстве Св. Троицы; 5. О Церкви и Св. Таинствах». См.: [РГИА, Ф. 796. Оп. 120. Д. 628. Л. 34-35].

⁷ Примечательно, что до Левисона в Белоруссии уже находился в качестве миссионера другой крещеный иудей, Егор Темкин, однако его деятельность была признана неудовлетворительной. См.: [РГИА, Ф. 796. Оп. 120. Д. 628. Л. 42-43].

апреле 1840 г. он был принят в Санкт-Петербургскую Духовную академию на должность профессора еврейского языка. В этой должности Левисон успешно прослужил два десятилетия, отметившись, в том числе, переводом на древнееврейский одного из главных храмовых богослужений православной церкви – литургии святителя Иоанна Златоуста [РГИА, Ф. 802. Оп. 12. Д. 791. Л. 21–27].

В апреле 1842 г. уроженец Курляндской губернии Венедикт Левинсон подал духовным властям прошение о переходе в православие. Его просьба была удовлетворена практически сразу, поскольку он был признан «столько же предварительно подготовленным, сколько знающим молитвы и догматы веры Православной Церкви» [РГИА, Ф. 796. Оп. 123. Д. 465. Л. 2]. В скором времени Левинсон обратился к архиепископу Литовскому и Виленскому Иосифу с заявлением о принятии его в духовное звание.

При рассмотрении этого случая в Св. Синоде выяснилось, что законодательство Российской империи не содержит никаких формальных запретов на занятие крещеными евреями должностей церковно- и священнослужителей (очевидно, вероятность этого даже не предполагалась при составлении свода «Законов о состояниях»). Напротив, в состав белого духовенства, в случае недостатка лиц духовного звания, разрешалось принимать выходцев из любых сословий, кроме крепостных крестьян, при условии соответствия претендентов должному уровню поведения и образования [РГИА, Ф. 796. Оп. 123. Д. 465. Л. 7].

Принимая во внимание недостаток православного клира в недавно учрежденной Литовской епархии, а также представленные местными церковными властями свидетельства о «твердости и ревности Левинсона в принятой им вере», Св. Синод в октябре того же года разрешил ему занять должность причетника в Преображенской церкви Брестского уезда Гродненской губернии [РГИА, Ф. 796. Оп. 123. Д. 465. Л. 11]⁸.

Посвятить себя миссионерской деятельности в 1850 г. пытался 50-летний крестившийся иудей Александр Антоновский. В прошении, поданном в Св. Синод, он указывал, что «принял православную веру не по нужде или по наговору, а по собственному чтению Книг Пророческих и Святого Евангелия», и «ревностно желает проповедовать израильтянам о принятии ими христианской веры» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1300. Л. 2]. Рассмотреть кандидатуру Антоновского было поручено митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому Никанору, а непосредственно испытать искренность его намерений и

⁸ Очевидно, на столь быстрое разрешение обратившемуся в православие иудею вступить в состав православного духовенства повлияла общественно-политическая ситуация в западных губерниях, где в рассматриваемый период велась достаточно острая борьба за усиление позиций православной церкви и сокращение римско-католического влияния. Подробнее об этом см.: [Вибе 2009, 15–25; Долбилев 2006, 103–113].

способности проповедовать – протоиерею церкви Успения Пресвятой Богородицы на Сенной площади А.И. Окуневу.

После трех месяцев испытаний, когда Антоவில்скому было предложено пройти несколько собеседований со священником, а также предоставить письменные ответы-рассуждения на библейские сюжеты, А.И. Окунев сообщил митрополиту, что его подопечный пересказывает библейские сюжеты со значительными искажениями и неточностями, а также высказывает суждения, «противные не только Священному Писанию, но и вообще здравому смыслу» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1300. Л. 10]. Антоவில்ский также не продемонстрировал сколько-нибудь явных способностей к убеждению, и «весь предмет обращения евреев в христианство ограничивался у него суровыми обличениями их» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1300. Л. 9 об.].

Изучив письменные ответы Антоவில்ского, митрополит Никанор пришел к выводу, что «всё писано до такой степени безграмотно, бессвязно и бестолково, что нет ни малейших следов ни логики, ни грамматики» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1300. Л. 10–10 об.]. В итоге Св. Синод принял решение отказать Антоவில்скому в назначении миссионером, как «не имеющему потребных для сего важного дела познаний и способностей» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1300. Л. 27].

Летом 1850 г. на рассмотрение Еврейского комитета поступила анонимная записка, автор которой утверждал, что необходимо распространять среди евреев сочинения, которые убеждали бы их в истинности христианства и изобличали «заблуждения Талмудического учения» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1279. Л. 2]. Комитет, согласившись с тем, что подобная мера может принести потенциальную пользу, признал нужным возложить обязанность рассматривать и разрабатывать подобные сочинения на «профильное» ведомство – Св. Синод.

По поручению последнего, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии В.А. Левисон, об обращении которого упоминалось выше, составил записку о принятии евреями христианства с первых веков нашей эры до Нового времени [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1279. Л. 11–18]. В документе подчеркивалось, что в исторической перспективе насильственные практики обращения успеха не имели, а лишь усиливали сопротивление иудеев. В связи с этим Левисон призывал действовать в этой сфере предельно осторожно и деликатно, а в качестве «надежного средства» предлагал осуществить перевод «Нового завета» на идиш, который использовало еврейское население Российской империи, и разослать в губернии черты оседлости, где «благонадежные и близкие к евреям священники» могли бы знакомить с ним население [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1279. Л. 14 об.].

Однако Св. Синод, рассмотрев записку Левисона, пришел к выводу о «недостаточности полемического средства в народе, исполненном

закоренелых предрассудков» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1279. Л. 20]. Более надежным методом, способным подтолкнуть иудеев к принятию православия, было признано вовлечение еврейского юношества в общеимперскую систему образования, которая способствовала бы осознанию ими «заблуждений Талмуда» и сближению с христианским населением. Впрочем, эта стратегия так и осталась декларативной до самого конца николаевского царствования⁹.

4

Характеризуя ситуацию с обращением в православие иудеев в рассматриваемую эпоху, необходимо сказать несколько слов о попытках некоторых из них вернуться к религии предков.

В январе 1837 г. духовным властям стало известно о крещении жителя г. Ачинска Енисейской губернии Моисея Лейбовича. Он находился под судом за избиение некоего еврея, который и сообщил о том, что ранее обидчик обратился в православие, однако впоследствии женился на еврейке и продолжает тайно исповедовать иудаизм [РГИА, Ф. 796. Оп. 118. Д. 64. Л. 1]. Сам Лейбович категорически отрицал факт своего крещения, однако его подтвердили священник и церковнослужители Ачинской Троицкой церкви и восприемники новообращенного. Доказательством служила и соответствующая запись в церковной метрической книге.

Поскольку по законам Российской империи отступление от христианства являлось уголовным преступлением, каравшимся лишением правоспособности вплоть до возвращения в лоно церкви, казус Лейбовича рассматривался министром внутренних дел Д. Н. Блудовым, который сообщил о нем Николаю I во всеподданнейшем докладе. Император наложил на доклад резолюцию: «Для вразумления Лейбовича в догматах веры и увещания отправить в монастырь с тем, чтобы об успехе его обращения было доложено Св. Синоду» [РГИА, Ф. 796. Оп. 118. Д. 64. Л. 1 об.].

В мае 1838 г. Моисей Лейбович был определен «для вразумления» в Енисейский Спасо-Преображенский мужской монастырь, однако и там продолжал утверждать, что «Святого Крещения никогда не принимал и принять оно никак не хочет, а желает жить и умереть в вере предков своих» [РГИА, Ф. 796. Оп. 118. Д. 64. Л. 12]. Монастырское начальство не предпринимало особых усилий по «увещанию вероотступника»:

⁹ С 1844 г., по распоряжению Николая I, в Российской империи действовал запрет принимать лиц иудейского исповедания на государственную службу, что в значительной степени лишало еврейскую молодежь стимула к получению высшего образования. Ситуация в этой области существенно изменилась лишь в начале царствования императора Александра II. Подробнее об этом см.: [Манойленко 2017].

прибывшие в апреле 1841 г. в обитель служители Томской духовной консистории констатировали, что Лейбович фактически не проживает в монастыре, а снимает с семьей квартиру в г. Енисейске, посещая настоятеля «только набегами». Св. Синод объявил последнему строгий выговор, а его подопечный в октябре 1842 г. был переведен в Томский Богородице-Алексеевский монастырь.

На новом месте он провел еще два года, но на все уговоры вернуться к православию отвечал, что никогда не принимал крещения, и так ни разу не явился на проводившиеся в монастыре богослужения. В ноябре 1844 г. епископ Томский и Енисейский Афанасий сообщил Св. Синоду, что Лейбович почувствовал себя очень плохо, но когда к нему прислали священника и иеромонаха для увещевания и исповеди, «он отверг предостережение их, назвав себя евреем, а не христианином» [РГИА, Ф. 796. Оп. 118. Д. 64. Л. 51 об.]. На следующий день Моисей Лейбович скончался, так и не признав смены веры и последующего «отступления» в иудаизм.

Этот случай стал по-настоящему уникальным в практике Духовного ведомства: остальные лица, пытавшиеся открыто вернуться к иудейскому исповеданию в николаевскую эпоху, за редким исключением, подобной твердости не проявляли.

В январе 1840 г. управляющий Министерством внутренних дел А. Г. Строганов направил обер-прокурору Св. Синода Н. А. Протасову «дело о выкресте Вржесневском» [РГИА, Ф. 796. Оп. 121. Д. 420. Л. 2]. Из присланных документов следовало, что 20-летний мещанин Минской губернии Феликс Вржесневский «совратился в еврейскую веру».

За шесть лет до этого юноша был крещен приходским священником Бельчанской церкви Бобруйского уезда и в дальнейшем, «проживая в услужении у разных лиц, исполнял обряды христианской веры, твердо соблюдая оную» [РГИА, Ф. 796. Оп. 121. Д. 420. Л. 3 об.]. Весной 1839 г. он посетил одного из своих соседей-иудеев, Залмана Ялтиша, который стал вести с ним разговоры на религиозные темы, предоставил ему «еврейское платье» и, по утверждению Вржесневского, «разными угрозами» принудил вернуться в иудаизм.

Когда об «отступлении» молодого человека стало известно властям Минской губернии, Вржесневский не проявил никакого упорства и представил себя жертвой принуждения. Св. Синод, рассмотрев дело, постановил направить юношу к местному духовному начальству «для увещевания», что в скором времени принесло свои плоды. Уже в августе 1841 г. бобруйский благочинный Иоанн Филипповский сообщил, что «выкрест Вржесневский содержит христианскую веру твердо и непоколебимо» [РГИА, Ф. 796. Оп. 121. Д. 420. Л. 9 об.]. После этого с него была взята подписка о нахождении в православии до конца жизни, и он был отпущен восвояси. «Совративший христианина» Залман Ялтиш был наказан 50 ударами плетью и сослан в Сибирь на поселение.

В октябре 1850 г. семь солдат-евреев Московского резервного полка обратились к командованию 6-го пехотного корпуса с жалобой на насильственное обращение в православие в период пребывания в Пермских и Казанских батальонах военных кантонистов. Признав жалобу бесспорной, военный министр А.И. Чернышев распорядился перевести их на три года в арестантские роты, «стараясь обратить кротким и благоразумным увещанием к православной вере» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1720. Л. 3].

Спустя четыре месяца обер-священник армии и флота В.И. Кутневич рапортовал Св. Синоду, что двое военнослужащих, Матвей Андреев и Глеб Крошин, определенные в Аландские арестантские роты, «публично признали свое заблуждение, раскаялись искренно об уклонении от православия и дали расписку, что до конца жизни не отступят от устоев Церкви» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1720. Л. 8 об.]. К июлю 1853 г. еще двое солдат, Семен Ермолаев и Эраст Курбатов, «раскаялись» и дали подписки о возвращении в православие. Двое других, Иван Михайлов и Николай Павлов, умерли, а в отношении последнего «отступника», Василия Курбатова, В.И. Кутневич признал, что «по закоренелой ненависти его к христианству, нет никакого успеха утвердить его в православной вере» [РГИА, Ф. 796. Оп. 131. Д. 1720. Л. 24 об.]. Он так и был оставлен в арестантских ротах.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что документы Российского государственного исторического архива, на которых основана данная статья, позволяют раскрыть и конкретизировать целый ряд аспектов, связанных с проблемой принятия православия иудеями в эпоху Николая I. Они предоставляют исследователям возможность соотнести между собой декларируемую и реальную политику имперских властей в отношении христианизации евреев, рассмотреть миссионерскую деятельность принявших православие иудеев среди своих бывших единоверцев, проследить процессы социокультурной и религиозной интеграции неофитов, изучить сюжеты, связанные с проблемой возвращения к религии предков.

Кроме того, значение вводимых в научный оборот документов заключается в том, что они позволяют наполнить рассматриваемую тему конкретным историческим содержанием, рассмотрев судьбы отдельных крестившихся иудеев, принадлежавших по своему возрасту, образованию и социальному положению к различным категориям населения Российской империи, установить побудительные мотивы, повлиявшие

в том или ином случае на смену религии, а также проследить жизнь новообращенных после принятия православия.

Изученные авторами документы Российского государственного исторического архива также позволяют сделать ряд обобщающих выводов.

Царствование Николая I стало временем значительной активизации государственной политики, направленной на принуждение иудеев к переходу в православие. Это было связано, в первую очередь, со стремлением к построению монолитного государства, скрепленного, в том числе, принципами общей веры для всех подданных. Личное негативное и весьма подозрительное отношение императора к евреям стало дополнительным фактором, непосредственно влиявшим на этот процесс.

Вместе с тем, конкретные шаги властей по реализации принципов слияния еврейского народа с «коренным населением Империи» отличались непоследовательностью и противоречиями. Изначально декларируемые принципы добровольности смены вероисповедания были, в конечном счете, окончательно вытеснены стремлением к массовому обращению зависимых категорий еврейского населения, позволявшим военной и духовной бюрократии отчитываться о значительных успехах в «просвещении инородцев», получая за это награды и продвижение по службе.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что немногочисленные искренне желавшие принять православие иудеи зачастую сталкивались с бюрократическими препятствиями и подчеркнuto настороженным отношением к своим намерениям, необходимость которого даже была закреплена законодательно.

Разработав правила о снятии целого ряда правовых ограничений с иудеев, обратившихся в православную веру, правительство не стремилось использовать этот аргумент для того, чтобы убедить широкие массы еврейского населения переходить в господствующую религию, с целью избежать наличия у них корыстных мотивов. При этом отсутствие искренности намерений у евреев-военнослужащих, вынужденных принять крещение вследствие стесненных жизненных обстоятельств, практически не интересовало светские и духовные власти.

Обращенные в православие иудеи, желавшие открыто вернуться к религии предков, лишались правоспособности и всячески принуждались к тому, чтобы оставаться в лоне «государственной церкви». Это обстоятельство в значительной степени способствовало тому, что процесс христианизации евреев в николаевскую эпоху носил формальный характер. Многие из вынужденно крестившихся продолжали на практике тайно придерживаться заповедей и предписаний иудаизма. В результате полного отторжения принявших православие слоев еврейского народа от своих корней не произошло, и официально декларируемые цели обращения так и не были достигнуты.

Источники

- Нафанаил 1885 – *Нафанаил (Кузнецкий Николай)*. Миссионер из евреев и деятельность его по обращению евреев в христианство. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1885. 165 с.
- ПСЗ 1830а – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. 1-е собрание. Т. XXXIV (1817 г.). СПб., 1830.
- ПСЗ 1830б – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. 1-е собрание. Т. XVI (с 28 июня 1762 по 1764 г.). СПб., 1830.
- ПСЗ 1830в – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. 1-е собрание. Т. XXXIX (1824 г.). СПб., 1830.
- ПСЗ 1836 – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. 2-е собрание. Т. X (1835 г.). Отд. 1. СПб., 1836.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.

Литература

- Амчиславский 2009 – *Амчиславский В.Л.* К вопросу о крещении солдат-евреев в русской армии (1827–1860) // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений: мат. XXV междуна. конф., С.-Петербург, 12–13 мая 2009 г. СПб.: Нестор, 2009. С. 125–129.
- Верт 2012 – *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- Вибе 2009 – *Вибе И.Н.* Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае (1830–1855): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.-Петерб. Ин-т истории РАН. СПб., 2009. 26 с.
- Гессен 1927 – *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Т. 2. Л.: Тип. К.-О. Ленингр. Губпрофсовета, 1927. 234 с.
- Долбилов 2006 – *Долбилов М.Д.* От Конституционной хартии к режиму Паскевича // Западные окраины Российской империи / под ред. А.И. Миллера и М.Д. Долбилова. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 81–122.
- Дубнов 1919 – *Дубнов С.М.* Новейшая история еврейского народа. Т. 1: (1789–1848 г.). Пг.: Изд-во «Кадима», 1919. 484 с.
- Ильин 2009 – *Ильин С.А.* Русская православная церковь и «еврейский вопрос» в Российской империи // Вестник Тамбовского государственного университета. 2009. Вып. 3. С. 215–220.
- Керцер 2018 – *Керцер Д.* Похищение Эдгардо Мортары. М.: АСТ: Corpus, 2018. 544 с.

- Конюченко 2012 – *Конюченко А.И.* К вопросу о переходе иудеев в православие в дореволюционной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16. История. Вып. 51. С. 93–98.
- Локшин 2012а – *Локшин А.Е.* Рекрутская повинность и обращение евреев в христианство при Николае I // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 77–85.
- Локшин 2012б – *Локшин А.Е.* Эпоха «гзейрос» в еврейской истории России: кантонисты, хаперы, пойманники // Лехаим. 2012. № 4. <https://lechaim.ru/ARHIV/240/lokshin.htm>.
- Манойленко 2017 – *Манойленко А.С., Манойленко Ю.Е.* «Борьба за дворянство» лиц иудейского исповедания в Российской империи в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 92–110.
- Петровский-Штерн 2003 – *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии, 1827–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 556 с.
- Станиславский 2014 – *Станиславский М.* Царь Николай I и евреи. Трансформация еврейского общества в России (1825–1855). М.: Книжники, 2014. 256 с.
- Тихонов 2007 – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 352 с.
- Freeze 2005 – *Freeze Ch.R.Y.* When Chava Left Home: Gender, Conversion, and the Jewish Family in Tsarist Russia // *Polin. Jewish Women in Eastern Europe*. 2005. No 18. P. 153–188.
- Klier 2001 – *Klier J.D.* State Policies and the Conversion of Jews in Imperial Russia // *Of Religion and Empire: Missions, Conversion and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 92–112.
- Schinker 2017 – *Schinker E.* Confessions of the Shtetl: Converts from Judaism in Imperial Russia, 1817 – 1906. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2017. 339 p.
- Stanislawski 1987 – *Stanislawski M.* Jewish Apostasy in Russia: A Tentative Typology // *Jewish Apostasy in the Modern World*. N.Y.: Holmes & Meyer, 1987. P. 189–205.

On the conversion of the Jews to Orthodoxy during the reign of Nicholas I (according to the documents of the Russian State Historical Archive)

Anna Manoylenko

(Saint-Petersburg, Russia)

Master in Socio-Economic Education, Independent Researcher

E-mail: anetkir@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1312-8372

Yuriy Manoylenko

(Saint-Petersburg, Russia)

PhD in History, Independent Researcher

E-mail: historic2009@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3063-1140

Abstract: The article examines various aspects of government policy in the sphere of the transition of Jews to Orthodoxy in the era of Nicholas I. Based on the analysis of documents of the Holy Synod, the complexities and contradictions of this process are revealed, attention is drawn to various aspects of the Christianization of the Jewish population of the Russian Empire, which until now have remained outside the field of view of historians. The authors identify and trace the main trends in the field of conversion of Jews to Orthodoxy, and explore the fate of those who changed their religion. A special place is given to the missionary activities of baptized Jews, who devoted themselves to spreading Orthodoxy among their former co-religionists, as well as to the attempts of some neophytes to officially return to the religion of their ancestors.

Keywords: Jews, religion, Judaism, Orthodoxy, Nicholas I, Holy Synod, cantonists, missionaries.

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.08

References

Amchislavskiy, V.L., 2009, K voprosu o kreshchenii soldat-yevreyev v russkoy armii (1827 – 1860) [To the question of the baptism of Jewish soldiers in the Russian army (1827 - 1860)]. *Narody Rossii: istoriko-psikhologicheskiye aspekty mezhetnicheskikh i mezhhkonfessional'nykh otnosheniy*: mat. XXV mezhdun. konf., S.-Peterburg, 12–13 maya 2009 g. [Peoples of Russia:

- historical and psychological aspects of interethnic and interfaith relations]. St. Petersburg, Nestor, 125–129.
- Dolbilov, M.D., 2006, *Ot Konstitutsionnoy khartii k rezhimu Paskevicha* [From the Constitutional Charter to the Paskevich Regime]. *Zapadnyye okrainy Rossiyskoy imperii* [Western Outskirts of the Russian Empire], eds. A. I. Miller and M. D. Dolbilov. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 81–122.
- Dubnov, S. M., 1919, *Noveyshaya istoriya yevreyskogo naroda* [Recent History of the Jewish People]. 1 (1789 – 1848 g.), Petrograd, Izdatelstvo «Kadima», 484.
- Freeze, Ch. R. Y., 2005, When Chava Left Home: Gender, Conversion, and the Jewish Family in Tsarist Russia. *Polin. Jewish Women in Eastern Europe*, 18, 153–188.
- Gessen, Yu. I., 1927, *Istoriya yevreyskogo naroda v Rossii* [History of the Jewish People in Russia], 2. Leningrad, Tip. K.-O. Leningr. Gubprofsoвета, 234.
- Il'in, S. A., 2009, Russkaya pravoslavnaya tserkov' i «yevreyskiy vopros» v Rossiyskoy imperii [The Russian Orthodox Church and the “Jewish Question” in the Russian Empire]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 215–220.
- Kertser, D., 2018, *Pokhishcheniye Edgardo Mortary* [Kidnapping of Edgardo Mortara]. Moscow, AST, Corpus, 544.
- Klier, J. D., 2001, State Policies and the Conversion of Jews in Imperial Russia. *Of Religion and Empire: Missions, Conversion and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca, Cornell University Press, 92–112.
- Konyuchenko, A. I., 2012, K voprosu o perekhode iudeyev v pravoslaviye v dorevolyutsionnoy Rossii [On the question of the conversion of Jews to Orthodoxy in pre-revolutionary Russia], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 16, Istoriya, 51, 93–98.
- Lokshin, A. Ye., 2012, Rekrutskaya povinnost' i obrashcheniye yevreyev v khristianstvo pri Nikolaye I [Recruitment and the conversion of Jews to Christianity under Nicholas I], *Voprosy istorii*, 7, 77–85.
- Manoylenko, A. S., and Yu. Ye. Manoylenko, 2017, «Bor'ba za dvoryanstvo» lits iudeyskogo ispovedaniya v Rossiyskoy imperii v XIX – nachale XX v. [“Struggle for the nobility” of persons of the Jewish confession in the Russian Empire in the 19th - early 20th centuries]. *Voprosy istorii*, 7, 92–110.
- Petrovskiy-Shtern, Y., 2003, *Yevrei v russkoy armii, 1827–1914*. [Jews in the Russian army, 1827–1914]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 556.
- Schinker, E., 2017, *Confessions of the Shtetl: Converts from Judaism in Imperial Russia, 1817 – 1906*. Stanford, Calif., Stanford University Press, 339.
- Stanislavskiy, M., 2014, *Tsar' Nikolay I i yevrei. Transformatsiya yevreyskogo obshchestva v Rossii (1825–1855)*. [Tsar Nicholas I and the Jews. Transformation of Jewish Society in Russia (1825 - 1855)]. Moscow, Knizhniki, 256.
- Stanislavski, M., 1987, Jewish Apostasy in Russia: A Tentative Typology. *Jewish Apostasy in the Modern World*. N. Y., Holmes & Meyer, 189–205.

- Tikhonov, A. K., 2007, *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX v.* [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of the 18th - early 20th centuries]. Saint Petersburg, Izdatelstvo S.-Peterburgskogo universiteta, 352.
- Vert, P., 2012, *Pravoslaviye, inoslaviye, inoveriye: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii.* [Orthodoxy, heterodoxy, heterodoxy: essays on the history of the religious diversity of the Russian Empire]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 280.
- Vibe, I. N., 2009, *Veroispovednaya politika samodержaviya v Zapadnom kraye (1830–1855)* [Religious policy of the autocracy in the Western region (1830–1855)]. PhD in History dissertation abstract. St. Petersburg, S.-Peterburgskii Institut istorii RAN, 26.

Статья принята к печати 09.11.2020